

Глава XX. Новый враг: партия-государство большевиков

Разгром деникинского тыла под совместными ударами Махно и зеленых значительно облегчил задачу красной армии, которая довольствовалась тем, что следовала шаг за шагом за отступлением белых, которые отходили, соблюдая порядок, под командованием Врангеля и Шкуро. Шкуро «побил рекорды медлительности», отступив на 80 км за три недели, от Воронежа до Касторной⁴¹¹. Напротив, красная армия спешила занять территорию, очищенную местными партизанами и установить там «советскую» власть. Так подтвердилось утверждение махновцев, приведенное Дыбцом: «Когда надо сражаться, большевики отсутствуют, напрасно искать их на фронте, но как только какой-то город взят партизанами, они появляются и провозглашают себя немедленно новой властью. Их единственная цель состоит в том, чтобы завладеть властью за спиной у повстанцев⁴²²».

Несмотря на общую эпидемию тифа и тяжелые потери на полях боев, численный состав красной армии не переставал расти; осенью 1919 г. он достиг значительной цифры: три миллиона человек. Она усиливалась еще больше за счет включения партизанских отрядов и белых пленных. Правда, только небольшая часть этих войск сражалась на передовой: около одной десятой на разных фронтах. Деникину противостояло только 150 000 человек, которых часто сменяли из-за потерь или за отсутствие боевого духа солдат. В действительности такая армия в целом представляла довольно слабую боевую мощь, поскольку солдаты были мобилизованы насильно, поэтому командование красной армии было занято, прежде всего, обучением бойцов, их идеологической «дрессировкой», затем держало их в резерве или использовало для занятия самых ненадежных областей страны, чтобы стабилизировать там большевистский порядок.

Махновцы допустили тяжелую ошибку, недооценив эту новую опасность. По мнению Аршинова, следовало усилить движение в военном отношении и непосредственно занять все части Украины – до Орла и Полтавы – освобожденные повстанцами и находившиеся под махновским влиянием, чтобы покончить с большевистскими притязаниями. Напротив, получилось так, что отряды повстанцев – такие как отряды Библика и Огаркина, которые занимали Полтаву и Орел – под натиском красной армии должны были идти на соединение с махновцами. Аршинов объясняет это бездействие, с одной стороны, потерями от тифа, с другой – беззаботностью и преувеличенным оптимизмом махновцев, убежденных, что никогда красная армия не посмеет придти диктовать им свою волю, учитывая их решающий вклад в поражение Деникина.

Повстанцы считали, что поскольку они вынесли на своих плечах большую часть тяжестей войны и своими собственными усилиями освободили всю Украину, Москва должна бы принять это во внимание. Махновский штаб пришел к согласию, что приоритет следует отдать или военному усилению района, или положительным задачам социального и экономического строительства трудящихся. Штаб отдал предпочтение второму решению, считая, что благодаря революционному творчеству, трудящиеся массы отметут без труда любую попытку вмешательства какой бы то ни было партии. Была также и другая причина: махновцы не хотели вести себя как новая власть, они хотели полагаться на способность к самоорганизации и на предусмотрительность самих трудящихся, довольствуясь тем, что доводили до них свои концепции. Листовка, которая распространялась в то время, хорошо выражает это стремление:

Объявление революционной повстанческой армии Украины (махновцев)

Ко всем крестьянам и рабочим Украины!

Передать по телеграфу, телефону или разъездной почтой во все села, волости, уезды и губернии Украины. Прочсть на крестьянских сходах, фабриках и заводах.

Братья трудящиеся! Революционная Повстанческая армия Украины (махновцев) была вызвана к жизни, как протест против угнетения рабочих и крестьян буржуазно-помещичьей властью с одной стороны, и большевистско-коммунистической диктатурой – с другой. Ставя себе целью – борьбу за полное освобождение трудящихся Украины от гнета той и другой власти и создание истинного советского социалистического строя, армия повстанцев-махновцев упорно боролась на нескольких фронтах за достижение этих целей и в настоящее время победно заканчивает борьбу с деникинской армией, освобождая район за районом, где всякая насильственная власть, всякая насильственная организация удаляются.

У многих крестьян и рабочих возникают вопросы: как быть теперь? Что делать? Как относиться к распоряжениям выгнанной власти? и т.д.

Подробно и законченно на все эти вопросы ответит Всеукраинский рабоче-крестьянский съезд, который должен будет сейчас же собраться, как будет возможность съехаться рабочим и крестьянам. Этот съезд наметит и вырешит все наболевшие вопросы рабоче-крестьянской жизни. Но ввиду того, что съезд этот будет создан через неопределенное время, армия повстанцев-махновцев, находит необходимым дать следующее объявление по основным вопросам рабоче-крестьянской жизни:

1. Все распоряжения деникинской (добровольческой) власти упраздняются. Те распоряжения коммунистической власти, которые шли в разрез с интересами крестьян и рабочих, тоже отменяются.

Примечание. Относительно того, какое из распоряжений коммунистической власти вредны для трудящихся, должны решить сами трудящиеся — крестьяне на сходах, рабочие у себя на фабриках и заводах.

2. Помещичьи, монастырские, удельные земли и земли иных врагов трудящихся со всем их инвентарем, живым и мертвым, переходят в пользу крестьян, живущих лишь своим трудом. При чем переход этот совершается организованно, решением общих сходов крестьян, которые должны в этом деле помнить не только каждый свои личные интересы, но иметь ввиду также и общие интересы всего угнетенного трудового крестьянства.

3. Фабрики, заводы, рудники, угольные копи и прочие орудия и средства производства становятся достоянием всего рабочего класса в целом, который в лице своих

профессиональных объединений организованно берет все предприятия в свои руки, налаживает в них производство и стремится связать всю промышленность страны в единый целостный организм.

4. Предлагается всем рабочим и крестьянским организациям приступить к строительству вольных рабоче-крестьянских советов. В советы должны избираться только труженики, участвующие в том или ином необходимом для народного хозяйства труде. Представители политических организаций не имеют места в рабоче-крестьянских советах, так как их участие в рабочем совете сделает из последнего совет партийных депутатов, что может привести дело советского строя к гибели.

5. Существование чрезвычайек, партийных ревко[мов и] им подобных принудительных, властнических и дисциплинарных институтов недопустимо среди вольных крест[ьян] и рабочих.

6. Свобода слова, печати, сходов, союзов и пр. являются неотъемлемым правом каждого труженика и всяк[ое] ограничение оных является контр-революционным акто[м.]

7. Государственная стража, полиция, варта упраздняются. На место их само население организует свою самоохрану. Самоохрану могут организовать только рабоч[и]е [и] крестьяне.

8. Рабоче-крестьянские Советы, самоохрана рабочих и крестьян, а также каждый крестьянин и рабочий должны не допускать каких бы то ни было революционных выступлений буржуазии и офицерства. Также не должны допускать проявления бандитизма. Всех изобличенных в контрреволюции и бандитизме расстреливать на месте.

9. Советские и украинские деньги должны приниматься наряду с другими деньгами. Виновники в нарушении этого подлежат революционной каре.

10. Обмен продуктами труда и торговля, пока за это дело не взялись рабоче-крестьянские организации, остаются свободными. Но в то же время предлагается, чтобы обмен продуктами труда происходил главным образом между трудящимися.

11. Все лица, умышленно препятствующие распространению настоящего объявления, будут рассматриваться как контрреволюционеры.

7 января 1920 г.

Военно-революционный совет и командный состав революционной повстанческой армии Украины (Махновцев).433

Это листовка высокого революционного достоинства, но она свидетельствует о преувеличенной оценке возможностей населения, которое было тогда обескровлено и лишено всего. А единственным языком, который понимали большевики, был язык соотношения военных сил. Как и за год до этого, они вошли в Украину с севера, и при отсутствии центральной власти (по крайней мере, в их представлении, так как ни в коем случае свободная и спонтанная организация трудящихся посредством их основных органов – свободных советов, федеративных снизу доверху – не могла составлять для них государственная власть, достойную этого имени), они насадили свое управление. В заключение митинга, состоявшегося в Екатеринославе 1 января 1920 г., после занятия ими города, они заставили проголосовать за красноречивую резолюцию, заканчивавшуюся словами «Да здравствует мировая большевистская коммунистическая партия! Да здравствует 3-й коммунистический Интернационал! Долой анархию!444».

Первые встречи между подразделениями двух лагерей в начале января 1920 г. были если не братскими, то дружескими. Кубанин, советский историограф Махновщины, считает, что «для красной армии махновцы казались союзниками, которые вели ожесточенную борьбу в тылу общего врага, участвуя в его дезорганизации и приближая, таким образом, общую победу. Само собой разумеется, махновские части должны были подчиниться общему командованию красной армии⁴⁵⁵». Таким образом, красная армия начала вести себя как хозяйка этих мест, перехватывала группы махновцев, затем включала их в свой состав, распыляя среди своих полков, или же разоружала их и отправляла по домам.

По причинам, указанным выше, Махно и его штаб отошли в район Гуляй-Поля и Александровска, то есть они на самом деле отказались от всякого контроля над районом. Махно, больной острой формой сыпного тифа, находился в это время в коме и вышел из нее только десяток дней спустя.

8 января – это был момент, избранный командованием 14-й красной армии, чтобы отдать приказ махновцам выступить на польский фронт, где большевики готовили захватническую войну, чтобы заполучить общую границу с Германией – родиной пролетарской революции, по словам Ленина, – прежде чем «большевизировать» всю Европу.

Кубанин комментирует этот приказ, объясняя, что он был «продиктован необходимостью вырвать махновскую повстанческую армию с ее территории и превратить ее, таким образом, в часть регулярной армии⁴⁶⁶». Кубанин, когда писал эти строки, не знал, что целью этого приказа была спровоцировать разрыв с Махно. Действительно, в статье, опубликованной через несколько месяцев после книги Кубанина, Левенсон, украинский большевистский военный руководитель, объясняет совсем по-другому этот приказ, приводя разговор между Уборевичем, командующим 14-й красной армией и Якиром, командиром 45-й армии. Первый заявил, что «отношение Махно к этому приказу даст нам определенную основу для нашего будущего поведения по отношению к нему»; второй ему ответил, что «будучи лично знакомым с Махно, я знаю, что он ни в коем случае не согласится». Уборевич подтвердил и сделал заключение: «Этот приказ является совершенно явным политическим маневром, и ничем больше, мы даже не надеемся на положительный ответ Махно⁴⁷⁷».

Чтобы дополнить цинизм этого персонажа, отметим, что он уже отдал за несколько дней до этого, 4 января, совершенно секретный приказ «принять все меры к поголовному разоружению населения и уничтожению банд Махно⁴⁸⁸».

Самый значительный махновский отряд, стоявший в Александровске и состоявший из шести полков, т. е. около 9000 пехотинцев и кавалерии, с возмущением ответил, прежде всего, что он совершенно не зависит от красной армии, что он не нуждался в этом, чтобы освободить Украину, затем, что Махно и большинство их бойцов лежат больные тифом, и, наконец, что война с Польшей его не касается. Этот ответ большевики приняли с удовольствием, так как он давал им оправдание, чтобы вновь, 9 января 1920 г., объявить Махно и его повстанцев вне закона и открыто сражаться против них. Высшее командование Красной армии хотело тем самым отомстить за провал, который оно потерпело в августе 1919 г. в Помощной, когда его войска перешли на сторону Махно. Коммюнике, провозглашавшее Махно вне закона, разворачивает следующую лживую аргументацию:

остановление Всеукраинского ревкома об объявлении вне закона Махно и махновцев. 9 января 1920 года

Товарищи, наконец, после невероятно тяжелых жертв нашей доблестной Красной армии удалось разбить помещиков, капиталистов и их приказчика Деникина.

Но главный враг украинского народа - польские паны еще не разбиты. Идя на помощь Деникину, они заняли целый ряд городов и местечек как нашей страны, так и России.

Военное командование, всячески стремясь к единению всех боевых сил против общего врага трудового народа - помещиков и капиталистов, предложило махновцам выступить против поляков и тем поддержать Красную армию и освободить наши села и города от ига польских помещиков, а рабочих - от рабства капиталистов.

Но Махно не подчинился воле Красной армии, отказался выступить против поляков, объявив войну нашей освободительнице - Рабоче-Крестьянской Красной армии.

Таким образом, Махно и его группа предали украинский народ польским панам, подобно Григорьеву, Петлюре и другим предателям украинского народа.

Поэтому Всеукраинский Революционный Комитет постановляет:

- 1. Махно со своей группой объявляется вне закона, как дезертиры и предатели.*
- 2. Все поддерживающие и укрывающие изменников украинского народа будут беспощадно истреблены.*
- 3. Трудовое население Украины обязуется всячески поддерживать Красную армию в деле уничтожения предателей махновцев.*

Настоящее постановление все ревкомы Украины обязуются прочесть на фабриках, заводах, шахтах и собраниях.

Всеукраинский Революционный Комитет, Председатель Петровский. Члены Мануильский, Затонский, Гринько, Качинский.

1920 года, 9 января г. Харьков.

Реввоенсоветом Южфронта отдано - распоряжение прочесть настоящее постановление во всех воинских частях. Члены Реввоенсовета Южфронта Сталин, Егоров.499

Наиболее удивительным в этом документе было обнаружение главного врага украинского народа в лице польских панов, совершенно отсутствовавших в стране уже много столетий! Между прочим, во главе польского правительства стоял социалист Пилсудский! Наконец, большевистские сатрапы не остановились на таких «пустяках»! Любой повод был хорош, лишь бы оправдать провозглашение махновцев вне закона. Наивность махновцев бросается в глаза; они считали, что так хорошо выполнили свою революционную роль, что большевики больше не посмеют прибегнуть к клевете по отношению к ним. Это означало не учитывать гегемонистскую логику ленинской клики.

Этот декрет дал сигнал для охоты на Махно, который, без памяти и на краю смерти, был спасен только преданностью крестьян Гуляйпольского района, скрывавших его и жертвовавших собой, когда укрытие было обнаружено пока больного перевозили в более надежное место. Членам махновского штаба и основным командирам повстанцев удалось пройти через звенья сети, и они пытались сдержать атаки красных. Военный Революционный Совет повстанцев был самораспущен, его члены перешли в подполье или, как Волин, были арестованы большевиками.

В секретном рапорте об операциях 13-й красной армии от 31 января 1920 г. сообщается, что «остатки» махновцев были ликвидированы в районе Гуляй-Поля. Добыча была значительной: 13 орудий, 8 пулеметов, 1 бомбомет, 300 пленных, 120 винтовок, 60 лошадей, 50 седел, 1 телеграфный аппарат, 4 пишущих машинки, 100 шашек, 50 пуле-метных лент, 5000 патронов, 3 сундука серебряных вещей и другая добыча!5010 Эта операция, по сути, соответствует внезапному нападению на махновский штаб, в ходе которого предпоследний брат Нестора, Савелий, занимавший пост интенданта, был убит во время налета красных на Гуляй-Поле. Выскочил во двор и попал под пули. Поскольку эта карательная экспедиция не выглядела достаточно убедительной, командующий 13-й армией Егоров 6 февраля отдал приказ командиру эстонской дивизии окончательно раздавить махновцев Гуляйпольского района, а также «безжалостно карать махновцев и население, которое их укрывает»; он даже уточнил, что «в случае сопротивления в Гуляй-Поле, следует действовать самым суровым образом, если этого требуют обстоятельства5111».

Все эти усилия, кажется, не увенчались успехом, так как 9 февраля в другом срочном и секретном рапорте об операциях 12-й, 13-й и 14-й красных армий докладывалось, что «захвачено штабное черное знамя, 3 пулемета, 38 винтовок, 2000 патронов, 14 лошадей, 2 легких испорченных орудия и возвращена тяжелая батарея 42-й дивизии»,5212 захваченная немногим ранее махновцами!

Для большей уверенности командование красной армии использует латышских, эстонских и китайских стрелков, большинство из которых не знало ни русского, ни украинского языка; поскольку они не имели никаких местных связей, ими было легче манипулировать. Эти несколько успешных операций, проведенных в районе Гуляй-Поля, позволили красному командованию считать, что махновское движение, по их терминологии, «ликвидировано»; оно решило заняться теперь зачисткой территории. Оно начало с тщательного обыска каждого дома, для того чтобы изъять все оружие, находившееся еще у населения, которое, следовательно, рассматривалось, как потенциально враждебное. Советский диссидент генерал Григоренко, который уже описывал для нас злодеяния белых, рассказывает в этот раз о расправах красных:

Все мы, например, знали о расстреле белыми первых Советов. Помнили об этом, осуждали белых и относились к ним враждебно. Но вот весной 1920 года по селам пошли «тройки ЧК», по изъятию оружия у населения. Прибыла такая тройка и в Борисовку.

Собрали сход. Председатель тройки, весь в коже, увешан оружием с головы до пят, свое выступление посвятил тому, что зачитал список заложников (семь наиболее уважаемых мужчин старшего возраста) и объявил, что если до 12 часов завтрашнего дня не будет сдано все имеющееся у населения оружие, заложники будут расстреляны.

Ночью к сельсовету были тайком подброшены несколько охотничьих ружей, револьверы, кинжалы. После обеда бойцы отряда, сопровождавшего «тройку ЧК», пошли по домам с обысками. Нашли (а может и с собой принесли) у кого-то в огороде или даже на лугу за огородом, один обрез. Ночью заложников расстреляли и взяли семь новых.

Любопытно, что этих заложников пощадили, к удивлению жителей села, так как председатель этой «тройки» был известен тем, что никогда не расстреливал меньше трех партий заложников. Григоренко продолжает:

Но в селе долго говорили о расстрелах, которые проводят «тройки» во всем нашем степном крае. И кровь лилась беспрерывно. Говорили об особой массовости расстрелов в Ново-Спасовке (теперь село Осипенко). Очевидцы утверждали, что по склонам оврага, над которым расстреливали, кровь текла ручьями, как вода.

Я не верил этим рассказам. Считал, что с Ново-Спасовкой так поступить не могут, поскольку село это героическое. Оно в 1918 году восстало против белых и сопротивлялось около восьми месяцев. Вызволила его из окружения армия Махно. И село отблагодарило «батьку», дав в состав его армии два хорошо вооруженных и закаленных в боях стрелковых полка. Вот потому и не верилось. Думалось, как же может революционная власть так поступать с борцами за революцию. Но все оказалось, как я узнал впоследствии, правдой. В Ново-Спасовке был расстрелян едва ли не каждый второй мужчина. Власти рассудили иначе, чем я. Они думали, что те, кто восстал против белых, могут восстать и против красных. И упредили эту возможность массовыми расстрелами.⁵³¹³

Это был настоящий геноцид потомков запорожцев, сознательно проводимый большевистскими руководителями. Петр Аршинов, летописец махновщины и непосредственный свидетель этой войны на уничтожение, оценивает по самым скромным подсчетам количество крестьян, расстрелянных и искалеченных большевистскими властями в 1920 г. цифрой около двухсот тысяч! И не меньшее число депортированных в Сибирь и другие места – зловещие рекорды белых были побиты и превзойдены всякие границы!

Приведем также недавно опубликованное анонимное свидетельство одного старого большевика, которое отражает другой аспект этого террора, так как ЧеКа в этом случае имело подручного в лице армейского командира Жлобы, донецкого шахтера, ставшего фанатиком и слепым орудием партии. Ввиду усиления действий махновцев весной 1920 г. в районе Синельниково было взято сто заложников среди так называемого зажиточного населения – кулаков, попов, торговцев и т. д. (представителей которых, должно быть, в действительности оставалось не так уж много) – и передано в руки ЧеКа:

После допроса их вывели во двор тюрьмы и потребовали, чтобы они сказали, кто были руководители банды, где-то прятавшиеся: в домах, сараях и других укрытиях? Заложников предупредили, что в случае отказа 25 из них будут расстреляны на месте как виновники убийств и грабежей. Заложники молчали. 25 первых по списку в алфавитном порядке были отведены в сторону на двадцать шагов и расстреляны на глазах у остальных; немедленно сообщили родственникам и отдали им трупы⁵⁴¹⁴.

На второй и третий день сцена повторилась с таким же результатом. От двадцати пяти последних заложников потребовали выдать махновских агентов. После некоторого размышления заложники выдали имена махновцев проникших в «органы советской власти и местное руководство партии: в частности председателя горсовета, секретаря горкома партии, которые объединили вокруг себя врагов советской власти». Эти «агенты» были

сразу же ликвидированы. Автор этих мемуаров, однако, не задался вопросом, как эти заложники, считавшиеся зажиточными, могли быть так хорошо осведомлены о проникновении махновцев в советский аппарат? Более чем вероятно, что первые из них не заговорили из-за того, что не знали настоящих махновцев, а последние заложники сумели одновременно спасти свою жизнь и жестоко отомстить власти, указав на настоящих сторонников Ленина, назвав их по случаю «махновцами»! Этот тезис подтверждается абсолютным отказом махновцев участвовать в каких бы то ни было органах государственной власти. Свидетельством тому следующее обращение:

Слово к крестьянам и рабочим Украины

Братья крестьяне и рабочие! С лишком три года Вы находились в борьбе с капитализмом и благодаря Вашим усилиям, Вашей стойкости и энергии Вы почти уже заканчивали эту борьбу. Враги революции изнемогали под Вашим напором и Вы, чувствуя победу, близились к торжеству. Вы верили, что Ваша непрерывная, часто неравная, борьба с врагами революции даст возможность Вам осуществить тот свободный советский строй, к которому мы все стремились. Но, братья, Вы видите, кто вместо Вас торжествует. Торжествуют непрошенные властелины, коммунистические палачи, пришедшие сюда на готовое и по свободным путям, расчищенным Вашей кровью, кровью ваших сынов и братьев, составляющих революционное повстанчество. Они завладели богатствами страны. Не Вы, а они распоряжаются ими. А Вы, крестьяне и рабочие, являетесь для них именным оплотом, без которого они не могут именоваться рабоче-крестьянским правительством, не могут быть всенародными убийцами и палачами, не могут произвольно во имя партийного господства тиранить народ. Имя народа дает им на все это право. И для этого только Вы, крестьяне и рабочие, им нужны.

Во всех же остальных случаях Вы для них ничто и они с Вами совершенно не считаются. Они Вас поработают, мобилизуют, повелевают и управляют Вами. Они Вас уничтожают. И Вы, будучи угнетенными, терпеливо переносите все те ужасы казней, насилия и произвола, которые творятся коммунистическими палачами и которые могут быть устранены только лишь Вашей революционной справедливостью, только лишь Вашим общим всенародным протестом – революционным бунтом. На это зовут Вас Ваши братья, такие же крестьяне и рабочие, как и Вы, умирающие под пулей красных убийц, которые силой оружия забирают скот, хлеб и другие предметы потребления и вывозят в Россию. Они – Ваши близкие братья –, прощаясь со своими жизнями, со всем тем светлым будущим, к которому мы все стремимся, призывают Вас спасти революцию, свободу и независимость. Помните, братья крестьяне и рабочие, что, не чувствуя теперь полной свободы и независимости в самих себе, Вы и впредь будете неправомочны сами разрешать свою судьбу, не сможете быть сами кузнецами своего счастья, не сможете сами быть хозяевами богатств Вашей страны, наследии Вашего же труда.

Все это за Вас будут делать непрошенные хозяева – пришельцы коммунисты-большевики. А чтобы избавиться от этих непрошенных хозяев и властелинов все крестьяне, все их лучшие силы должны отдаться работе по созыву тайных волостных и районных крестьянских съездов, на которых должны сговориться и разрешить животрепещущие вопросы момента, выдвинутые безответственностью и диктатурой этих бандитов. В интересах страны, в интересах самих трудящихся Украины не допустить страну до полного ее опустошения этими непрошенными хозяевами-властелинами, не должно быть место на Украине ни им, ни их наймитам-красным убийцам, тиранившим народ. Все крестьяне, не теряя ни одного дня,

должны организоваться чрез посредство своих тайных съездов. Организовать в каждом селе и деревушке тайные боевые единицы, выделить руководящий боевой орган. Раз навсегда отказать всякую помощь коммунистическим палачам и их подлым наймитам, отказать как в подводах, так и в зерне и куске хлеба. Рабочие в свою очередь как в городах, так и в селениях должны воздержаться от вступления в коммунистическую партию, в реквизиционные продовольственные отряды и чрезвычайкомы: отказать от всякого участия в коммунистических учреждениях. Народ Украины должен на весь мир заявить словом и делом: прочь с дороги убийцы и палачи как белые, так и красные! Мы идем ко всеобщему благу, свету и правде и насилий ваших не потерпим. Да здравствует международная Рабоче-Крестьянская Социальная Революция! Смерть всем белогвардейцам и комиссарам! Смерть всем палачам! Да здравствует свободный советский строй! [Март-апрель 1920 г.]

Штаб революционной повстанческой армии Украины (Махновцев).5515

Повстанцы взяли на себя практическое осуществление на местах этих намерений мести. В конце февраля дивизия эстонских «наемников», которая имела наглость устроиться в самом Гуляй-Поле была неожиданно атакована и разгромлена, все ее военные и политические командиры расстреляны; что касается простых солдат, тех из них, кто выразил желание, приняли в повстанческие подразделения, остальных расформировали и отправили по домам.

На протяжении следующих месяцев во многих местах на левом берегу Днепра продолжались стычки. Стратегия красной армии состояла в преследовании, окружении и, если возможно, уничтожении повстанцев, так как пленных не брали. Она забыла, что махновцы были здесь у себя дома и перемещались как рыба в воде: хорошо осведомленные о передвижении своих противников, они лавировали между различными вражескими подразделениями, атаковали и громили самые маленькие из них, нападали неожиданно на тылы других, короче, вели войну на непрерывное изматывание противника. Красный военный руководитель высокого ранга Ефимов в марте 1921 г., когда борьба против Махно была еще в самом разгаре, изложил свой опыт войны против повстанцев в 1920 г. Прежде всего, он объясняет отсутствие убедительных результатов со стороны красной армии ее социальным составом: у солдат и офицеров, которые сами были главным образом из крестьян, сердце не лежало к борьбе против махновцев из-за подспудной классовой солидарности, так как те представляли наилучшим образом чаянья местного населения «обойтись без всякой власти, рассматривая государство как тяжесть, как сковывающую опеку»⁵⁶¹⁶. Он считает, что повстанцы научились сражаться против регулярной армии благодаря деникинским войскам – этим он проявляет свою неосведомленность об их предыдущих боях против австро-германцев – и видит некоторое сходство в стратегии борьбы белых и красных против Махно, даже в плане результатов, то есть их неуспеха. Следует понять, что главный махновский отряд опирался на многочисленные маленькие местные отряды, служившие ему при случае резервом и располагавшие всей широтой для действия против чекистов и продотрядов, посылаемых властями. Сплоченность махновского движения объясняется, по его мнению, его «советской» структурой, но в смысле «свободных советов», т.е. с инициативой, исходящей с мест. Все это, по словам Ефимова, и составляло причины неудач и неуспеха на протяжении первой половины 1920 года в борьбе против Махно.

Поскольку путь, по всей видимости, освободился, большевики ввели в деревне то, что Ленин помпезно назвал «военным коммунизмом». Эта находка была прямо наваяна «военным социализмом» экономик капиталистических стран на протяжении войны 1914 г., когда некоторое ограничение и некоторая «социализация» были введены в народное потребление и в индустриальное производство. Для Ленина это превратилось только в ограничение потребления; поскольку промышленное производство стало незначительным, любой обмен с деревней был невозможен; речь шла, таким образом, о реквизиции всех сельскохозяйственных и пищевых продуктов в пользу, в первую очередь, нового привилегированного класса режима, армии, наконец, изголодавшихся горожан. Все должно было обязательно проходить через государственный аппарат. Можно понять полнейшую абсурдность этой системы, если знаешь, например, что частным лицам было запрещено ловить рыбу или охотиться, так как они должны были под страхом наказания вернуть продукты этой деятельности государству. Точно также для дров: дрожа от холода на протяжении зимы, никто не мог рубить дрова в лесах, принадлежавших государству и представлявших собой неприкасаемую собственность, под страхом обвинения в краже государственного имущества!

В деревнях то, что называют эвфемистически «реквизициями», было на самом деле систематическим грабежом крестьян; у них отнимали все: пшеницу, семена, свиней, скот и им щедро выдавали квитанции; если они отказывались и восставали, их расстреливали и поджигали их дома. Пылали целые села. Вот так осуществлялся коммунизм «сверху» в ущерб самым элементарным правам крестьян, которых в этом случае называли «кулаками».

Как же обстояло в точности дело с этими знаменитыми «кулаками» в 1920 г.? Официальная статистика приводит следующие цифры по поводу распределения земель среди крестьянства: в 1917 г. 71% крестьян обрабатывало меньше 4 гектаров земли, 25% располагали от 4 до 10 га, и только 3,7% владели более 10 га; тогда как в 1920 г. те же категории крестьян насчитывали соответственно 85, 15 и 0,5%⁵⁷¹⁷. Очевидно, что уже в 1917 г. число зажиточных крестьян – целиком относительно и исключительно по большевистским нормам – было достаточно ограниченным, тогда как в 1920 г. оно стало действительно незначительным. Примем во внимание другой, еще более красноречивый, критерий: владение лошадьми. По данным того же источника, в 1917 г. 29% крестьян не имели лошадей, 49% имели по одной, 17% располагали двумя лошадьми и 4,8% использовали более трех лошадей; в 1920 г., соответствующие цифры были 27,6, 63,6, 7,9 и 0,9%! Вывод, социальное положение крестьян выравнялось, и не существовало больше, так сказать, никаких кулаков, т. е. зажиточных крестьян, разве что в богатом воображении ленинцев! Впрочем, они всегда были неспособны, несмотря на всю свою идеологическую путаницу, дать точное определение кулака; это был для них, на самом деле, термин-заклинание для обозначения любого крестьянина, независимого от большевистского государства, а, следовательно, по их параноическому умозаключению, враждебного их всемогуществу. Такое истолкование могло в этом случае охватывать почти все крестьянство. Самое худшее состояло в том, что этот систематический грабеж и все ужасы, которые он порождал, часто оказывались совершенно напрасны: Кубанин сам приводит примеры, когда половина собранного фуража сгнила на месте, и когда скот, отнятый и отправленный в вагонах, подыхал в дороге из-за отсутствия воды и питания.⁵⁸¹⁸

